

Зырянов Александр Никифорович

**Крестьянское движение в
Шадринском уезде, Пермской
губернии в 1843 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-97

3-97 **Зырянов Александр Никифорович**
Крестьянское движение в Шадринском уезде, Пермской губернии в 1843 году
/ Зырянов Александр Никифорович – М.: Книга по Требованию, 2013. –
94 с.

ISBN 978-5-458-08982-1

Очерк по документам и свидетельствам очевидцев.

ISBN 978-5-458-08982-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

писи какихъ бы ни было приговоровъ для административныхъ надобностей, говоря при этомъ открыто и гласно, что все это дѣлается «для барина и ложно»¹.

Когда, гдѣ и кѣмъ составлены бумаги возмутительнаго свойства— неизвѣстно и судомъ не раскрыто. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ послѣдствіи въ рукахъ Шадринской военно-судной комиссіи, обнаруживалось только, что бумаги эти будто бы получены какимъ-то скрывшимся крестьяниномъ отъ неизвѣстнаго арестанта въ Камышловскомъ тюремномъ замкѣ². Но правда ли это—опять неизвѣстно. Характеръ бумагъ, какъ видно изъ нихъ, вообще ядовитый, хотя и бессмысленный и написанъ подъ тонъ мужичій, если не безграмотнымъ дуракомъ, то тольковымъ негодяемъ, искавшимъ смуть и безурядья, во вредъ и гибель благосостоянію и спокойствію массы.

Сколько содѣйствовало въ Шадринскомъ уѣздѣ къ распространенію ложныхъ слуховъ и толковъ о мнимомъ удѣлѣ близкое соседство торранныхъ селеній Челябинскаго уѣзда, столько же помогало личными дѣйствіями заводчикъ Челябинскаго бунта, Воскресенскій крестьянинъ Иванъ Фадеевичъ, по прозванію Лысый, постоянно шлявшийся съ прѣповѣдью объ удѣлѣ по деревнямъ здѣшнимъ для подстрекательства жителей къ возстанію. Пойманный, наконецъ, въ Шадринскѣ и допрошенный тамошнимъ городничимъ, онъ показалъ, что прѣхалъ сюда въ качествѣ повѣреннаго отъ общества крестьянъ разныхъ волостей, насчетъ причисленія ихъ въ какой-то удѣлъ, для подачи всеподданнѣйшаго прошенія государю. Отсюда Лысый препровожденъ въ Челябинскую военную судную комиссію, и тамъ присужденъ въ каторжную работу на продолжительный срокъ.

Апрѣль мѣсяцъ ознаменовывается уже открытыми движеніями крестьянъ въ разныхъ деревняхъ и селеніяхъ Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ. Въ среду на страстной недѣлѣ великаго поста (7 апрѣля 1843) заსѣдатель Ватуринской волости доносилъ Шадринскому окружному управленію, что въ селѣ Кабанскомъ и окрестныхъ съ нимъ деревняхъ возникаютъ сильные беспоконства, составляются сборища для какихъ-то совѣщаній и обнаруживаются угрозы противъ сельскаго начальства. И дѣйствительно: сборища и угрозы эти были опаснаго характера. Они обнаружались въ этотъ день въ двухъ селеніяхъ: Кабанскомъ, Ватуринской волости, и Песчаномъ-Таволяжанскомъ, Бѣлоярской волости, смежныхъ между собою и съ селомъ Травянскимъ Челябинскаго уѣзда. Въ Таволяжанскомъ селѣ до 700 человекъ собравшихся крестьянъ ворвался въ

¹ Изъ дописки Шадринскаго исправника Пермскому губернатору отъ 19 марта 1843, № 75.

² Изъ приговора Шадринскаго военного суда, со г. вѣстнаго 28, 29, 30, 31 декабря 1843 года.

сельское управленіе, арестовали писаря, а шкафъ съ дѣлами разбили желѣзнымъ ломомъ и выбросили изъ него дѣла и бумаги, отыскивая въ нихъ какой-то указъ за 1802 годъ, якобы о поступленіи ихъ въ удѣльное вѣдомство. Бумаги и дѣла разбирали и читали здѣсь Челябинскіе грамоты, пріѣхавшіе сюда по приглашенію здѣшнихъ крестьянъ. Въ это время одинъ изъ крестьянъ сообщилъ толпѣ, что 8 апрѣля будутъ изъ Шадринска въ Батуриинскую слободу тамошніе чиновники, которыхъ надобно допросить «порядкомъ», и потому не худо бы всѣмъ имъ, какъ и собранію Кабанскому, отправиться завтра туда.

Въ Кабанскомъ селѣ 7 апрѣля собрался тоже многочисленный сходъ, куда, для развѣдки происходившаго и прекращенія по-возможности безпорядковъ, Батуриинскій волостный писарь Самсонъ Толпинъ послалъ своего старшину Богачева. Его приняли тамъ крестьяне съ видимымъ нерасположеніемъ и явнымъ невниманіемъ. Сперва спросили они его о содержаніи и значеніи прибитыхъ на стѣнахъ таблицъ, о количествѣ слѣдуемыхъ и взыскиваемыхъ съ нихъ податей и повинностей, потомъ сшибли его съ верховой лошади и били безжалостнымъ образомъ, спрашивая въ то же время о бердахъ и челнокахъ, совершенно ему неизвѣстныхъ. Когда же отозвался онъ насчетъ послѣднихъ незнаніемъ, развѣди его до-нага, увели къ колодезю, обливали холодною водою и привязали ко столбу, какъ какого-нибудь преступника. Къ ночи заковали его въ конскія путы (жельза) и оставили ночевать подъ карауломъ въ крестьянской избѣ. На другой день, по утру 8 апрѣля, повторили они надъ нимъ тѣже истязанія и водили потомъ въ поле къ какому-то лугу, гдѣ было у нихъ какое-то секретное сборище для сговора, который, однакожь, тутъ не состоялся. Отсюда отправили старшину въ Батуриинскую слободу, гдѣ переводили его изъ волости въ расправу, и изъ расправы въ волость, съ непрерывнымъ требованіемъ того присяжнаго листа, по которому присягалъ онъ «подъ барина». Этотъ несчастный старшина вырвался отъ нихъ, только по усмиреніи волненія.

Въ Батуриинской слободѣ, резиденціи волостнаго и сельскаго управленія, сборище крестьянъ 8 апрѣля возросло до значительной цифры по поводу разнесшихся слуховъ о пріѣздѣ сюда въ этотъ день уѣздныхъ чиновниковъ изъ города Шадринска. Кромѣ крестьянъ, составляющихъ собственно Батуриинскую волость, много находилось ихъ здѣсь изъ соседнихъ волостей: Каргопольской, Бѣлоярской и Уксянской. Отсюда-то и разлился потокъ безпорядковъ во всѣ южныя стороны Шадринскаго уѣзда, расположенныя по правую сторону теченія рѣки Исети въ долинахъ между рѣкъ Течи, Міаса, Барневки и Солодянки.

Не въ шутку встревожились и жители Шадринска отъ Батуриинскихъ гезпокойствъ, опасаясь вредныхъ послѣдствій ихъ, не менѣе Пугачевскаго бунта, бывшаго здѣсь въ 1774 году.

— Знаете ли вы новость? спрашивали горожане одинъ другаго при встрѣчахъ.

— Нѣтъ, не знаю! было отвѣтомъ.

— Вѣдь за Исетью бунтъ у мужиковъ и хуже прошлогодняго.

— Гдѣ за Исетью?

— Въ напемъ уѣздѣ, возлѣ Челябинской границы.

— Что вы? да давно ли былъ бунтъ по сю сторону Исети?

— Тотъ былъ да сплылъ, а теперь другой завелся, и получше, говорятъ прежняго.

— О чемъ же мужики бунтуютъ?

— Опять о пресловутомъ удѣлѣ по поводу посѣва картофеля и заведенія хлѣбныхъ общественныхъ запашекъ.

— Да они одурѣли! Кто это имъ натолковалъ объ удѣлѣ, котораго нѣтъ здѣсь, не было и не будетъ.

— Изъ Челябинскаго уѣзда. Тамопніе мужики давно столковались на сходахъ, чтобы не допускать боярскаго господства, и вотъ теперь открыто объявили себя противъ всякаго начальства.

— Это я слышала. Что же дѣлаетъ наше чиновничество? Отчего не ѣдетъ оно прекращать безпорядки?

— Исправникъ вернулся только изъ-за рѣки, и ѣдетъ опять въ Батурину, какъ слышно

— Надо ѣхать сму, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Конечно. Съ мужиками вѣдь, какъ съ баранами, скоро не сладишь.

Уѣздное чиновничество ждало волненія не съ Батуринской стороны, а со стороны Верхтеченской, со стороны юго-западной, гдѣ селенія Песчанскаго общества ближе прилегали къ деревнямъ Челябинскимъ, гдѣ чаще произвѣдены сношенія крестьянъ между собою и гдѣ наблюдалъ тогда за порядкомъ и спокойствіемъ Шадринскій исправникъ Черноsvитовъ. Но волненіе вспыхнуло совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и именно въ селахъ: Песчано-Тавалжапскомъ и Кабанскомъ, какъ выше мы замѣтили.

Помощникъ окружнаго начальника Данилевскій, ѣздившій съ исправникомъ для содѣйствія ему въ Верхтеченскую волость, по возвращеніи оттуда, донесъ окружному начальнику, что въ волостяхъ Верхтеченской, Уксайской и Бѣлоярской, въ которыхъ онъ былъ, нашелъ крестьянъ въ тревожномъ духѣ, расположенномъ къ упорному сопротивленію: они собираются толпами изъ разныхъ мѣстъ и идутъ въ центры волостей масами или партіями, съ кольями, ружьями и пиками. Данилевскій увѣщевалъ и вразумлялъ ихъ, но они не обратили на это никакого вниманія, а напротивъ, произносили грубости и дерзости». Въ деревнѣ же Лебяжьи Уксайской волости, Данилевскій былъ окруженъ толпою крестьянъ, отказавшихъ ему въ дачѣ лошадей, и съ трудомъ могъ высвободиться отъ нихъ и выѣхать изъ деревни.

Въ Великій четвергъ (8 апрѣля) временное отдѣленіе Шадринскаго земскаго суда, составленное изъ исправника Черносовитова, стряпчаго Рѣшетникова, пристава 1-го стана Пантелеймонова и окружнаго начальника Кирхнера, отправилось по утру въ Батурическую слободу, въ сопровожденіи наскоро вытребованнаго отъ начальника мѣстной инвалидной команды отряда вооруженныхъ солдатъ, въ числѣ 30 человекъ, подъ конвоемъ которыхъ исправникъ и окружной начальникъ выѣхали впередъ въ одномъ экипажѣ, какъ друзья и пріятели, а стряпчий и приставъ послѣ нихъ. Въ Макаровскомъ селѣ, отстоящемъ отъ Шадринска въ 12 верстахъ, рѣчка Барневка, на правомъ берегу которой были расположены жилища крестьянскія, находилась въ самомъ разливѣ и бурлила; переправы черезъ нее не существовало, и мостъ, сооруженный раньше въ виду волненія, оказался уничтоженнымъ. Исправникъ, съ окружнымъ начальникомъ, едва добился переправы, произведенной кое-какъ посредствомъ спѣшно-сколоченнаго парама, и хотя и приказалъ онъ потомъ Макаровцамъ возстановить тотчасъ сообщеніе чрезъ Барневку, но крестьяне приняли его распоряженіе съ полнымъ невниманіемъ и, разумѣется, не исполнили.

По дорогѣ къ Батуринской слободѣ, куда ѣхали члены временнаго отдѣленія, встрѣчались имъ верховые крестьяне, мчавшіеся въ село Макаревское, для наряда людей на сходку; и хотя исправникъ ворочалъ ихъ, но они не слушались и продолжали свой путь, въ полномъ убѣжденіи, что никакого начальства у нихъ теперь нѣтъ, а есть одинъ только начальникъ: мѣръ, общество, громада, которые рѣшили уже свергнуть съ себя иго притѣсненій и возстановить порядокъ и законность—самосудомъ.

Гнѣздо и центръ волненій сосредоточивались въ слободѣ Батуринской, отстоящей отъ Шадринска на 25 верстѣ. Батурическое село расположено по обѣимъ берегамъ маловодной и грязной рѣчки Солодянки, лѣвый берегъ которой утопаетъ въ низахъ и болотахъ, сопровождающихся цолями (норы, впадины) и гнилостными испареніями, а правый берегъ, болѣе заселенъ крестьянскими строеніями, подъ горами скаля и соломы, постепенно возвышался къ югу, вдругъ у самой церкви раскидывается пространство, открытою площадью, изобилою привлекательный видъ, а рядомъ съ ней замыкается скотскимъ выгономъ, полями и перелѣсками. Среди этой-то возвышенной площади стояла и стоитъ каменная двухъ-этажная церковь, красивой архитектуры, съ двухъ-ярусною колокольнею и двухъ-сторонними балконами, съ которыхъ горизонтъ видится весьма далеко особенно въ ясный, тихій день. Съ одной стороны прилежали къ церкви площадь съ деревянными помѣщеніями волостнаго и сельскаго управленія, съ другой—разстилая скотскій выгонъ, а съ прочихъ—находились деревянные дома и постройки жителей, подъ скальемъ (берестю) дранью и массою соломы.

Здѣсь, на площади, 8 апрѣля происходилъ сборъ крестьянъ, простиравшійся до трехъ или четырехъ тысячъ. Толпы ихъ, разбившись на кучки и партіи, шумѣли; слышались вездѣ похвалбы и угрозы, но нигдѣ порядочнаго слова и разсудительнаго голоса. Какая-то злоба обуяла крестьянъ, и они готовы были на самый отчаянный поступокъ, незнавшій границъ. Прїѣздъ чиновниковъ былъ встрѣченъ съ затаеннымъ злорадствомъ, но наружно оказывалась имъ притворная привѣтливость.

Исправникъ Черносивитовъ, майоръ въ отставкѣ, имѣлъ физическій недостатокъ—корковую ногу взамѣнъ природной, потерянной, имъ въ военной службѣ; но этотъ недостатокъ искупался у него съ избыткомъ смѣлостью, бойкостью и неустрашимостью. Такими же свойствами обладалъ и другъ-прїятель его окружный начальникъ Кирхнеръ (Вицентій Егоровичъ), съ которымъ вмѣстѣ усмирили они подобныя же волненія въ сѣверныхъ волостяхъ Шадринскаго уѣзда, за одиннадцать мѣсяцевъ предъ этимъ. Знакомые съ характеромъ возстанія и мѣрами усмиренія возставшихъ, они хотѣли дѣйствовать и здѣсь, въ Батуриномъ селѣ, быстрою и смѣлостью: но жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ и неожиданно столкнулись съ необычайною отвагою и удалью мужичьею.

На бѣглые разспросы чиновниковъ о причинахъ сборища народнаго крестьяне отвѣчали имъ, что поводомъ къ общественному собранію служить всеобщій слухъ, разнесшійся недавно, о припискѣ ихъ, помимо-высочайшей воли, къ какому-то барину, отдаться и принадлежать которому нѣтъ у нихъ ни охоты, ни желанія; что потому они хотѣли бы отыскать бумаги, касающіяся этого дѣла и хранящіяся у волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, у писарей, поповъ и дьяковъ. Доказательства этого желанія и требованія толпы находились уже предъ глазами чиновниковъ: многочисленные страдальцы изъ должностныхъ лицъ, варварски измученные, обнаженные, содержавшіеся на привязи у столбовъ и стѣнъ оградныхъ, подъ градомъ плевковъ и побоевъ поливаемые холодною водою изъ колодезевъ. Подобная участь могла постигнуть и уѣздныхъ чиновниковъ, такъ какъ крестьяне положительно намѣревались овладѣть ими и подвергнуть ихъ пыткамъ и истязаніямъ, какъ доносили объ этомъ Пермскому губернатору совѣтникъ губернскаго правленія Соболевъ (17 апрѣля 1843, № 13).

Опасность такого рода для чиновниковъ уже проглядывала и сѣвзила изъ-за той неумѣлой маскировки, выражавшей имъ притворную подчиненность. Толпа начинала уже настоятельно требовать отъ нихъ немедленнаго уничтоженія управления государственными имуществами и восстановленія прежняго порядка; уничтоженія шитыхъ кафтановъ съ галунами и свѣтлыми пуговками у писарей и начальниковъ и прекращенія жалованья имъ, которое раньше не назначалось безъ мірскаго воли. Чиновники стояли въ кругу толпы подъ прикрытіемъ отряда солдатъ, вооруженныхъ заряженными ружьями; но экипажи ихъ на-

ходились въ отдаленіи. Говоръ и шумъ увеличивались, гамъ возросталъ, и убѣжденія чиновниковъ, старавшихся изо всѣхъ силъ вразумить неразумныхъ, уносились вѣтромъ, безъ всякихъ послѣдствій. Начинались произноситься уже угрозы, а Батуринскаго голову и засѣдателя, прѣхавшихъ съ чиновниками, вырвали мужики насильно изъ рукъ команды, немогшей защитить ихъ, и тутъ же подвергли ихъ мучительной пытке, издѣвался надъ ними съ хохотомъ и бранью. Чиновникамъ же въ глаза и громко говорили, что они «живодеры», «обиралы», «міропродавцы» и «міроѣды». Наконецъ, одинъ крестьянинъ съ крикомъ ухватился было за воротъ вицъ-мундира окружнаго начальника и хотѣлъ втащить его въ толпу, но былъ во-время остановленъ движеніемъ штыка рядоваго Романова. Толпа между тѣмъ неистово кричала.

— Братъ его надо, что на него смотрѣты! Туда же къ заплоту, гдѣ голова съ засѣдателемъ: пусть узнаютъ тамъ мужичій судъ!

Опасность положенія чиновниковъ вынудила команду сдѣлать движеніе къ защитѣ ихъ. Но и крестьяне, стоявшіе сзади толпы, наскоро хватили въ руки палки и колья изъ моментально разобранной ими ограды волостнаго правленія и приготовились такимъ образомъ на отчаянный бой и драку.

Картина вышла очень печальная! Съ одной стороны—густая толпа крестьянъ, ожесточенная, фанатизованная ложными слухами, съ другой—блюстители порядка, охваченные и оцѣпленные ею со всѣхъ сторонъ, и команда солдатъ со взятымъ на руку ружьемъ—враждебно измѣряли другъ друга глазами и нетерпѣливо ждали исхода. Борьба казалась неизбежною, дурныя послѣдствія которой могли неблагопріятно отразиться на однихъ чиновникахъ, начинавшихъ вслѣдствіе того бояться за себя и трусить не на шутку. Чтобы удержаться въ границахъ приличія, они тотчасъ измѣнили тактику обращенія: изъ начальническаго тона перешли въ мягкій, дружескій тонъ кротости и снисхожденія, не раздражая и не запугивая, надѣясь возбудить тѣмъ въ толпѣ какое-нибудь сознаніе и здравомысліе. Но здравомыслія и сознанія, къ сожалѣнію, не было уже въ народѣ: полнѣйшее безуміе овладѣло имъ.

Минута была критическая! Но въ это самое время вдругъ послышался звонъ колокольцевъ, раздавшійся по направленію Шадринской дороги. На этомъ звонѣ остановилось общее вниманіе какъ толпы, такъ и команды съ чиновниками. Это ѣхали остальные члены временнаго отдѣленія: становой приставъ и уѣздный стряпчій. Толпа встрѣтила и окружила ихъ также, какъ и исправника, со всѣхъ сторонъ, причемъ разсылнаго на козлахъ у пристава тотчасъ схватила и передала побоямъ, за то что онъ свой братъ—крестьянинъ, а сдѣлался отступникомъ и измѣнникомъ «міру». У самого пристава взяли крестьяне, безъ всякой церемоніи, насильно, портфель съ дѣлами и вынули изъ кармановъ

скюртука разныя бумаги. Отъ исправника и окружнаго начальника потребовали письменное удостовѣреніе о непринадлежности крестьянъ къ крѣпостному вѣдомству, «къ удѣлу», въ чемъ невидя ничего противнаго долгу службы и рассчитывая выиграть время для успокоенія крестьянскихъ умовъ, они согласились и написали удостовѣреніе за общимъ подписомъ; но уничтожить сельскія управленія, жалованье старшинамъ, головамъ, вахтерамъ и сборщикамъ, шитые кафтаны съ позументами и свѣтлыми пуговицами, на которые сильно налегали крестьяне, они, конечно, отказались, ссылаясь на то, что это не въ ихъ власти.

Бумага, выданная чиновниками, какъ будто успокоила толпу, большинство которой перевалило къ становому приставу и уѣздному страпачему; около же исправника толпа порѣдѣла и уменьшилась на столько, что онъ, разговаривая съ нею, непримѣтнымъ образомъ могъ подвинуться къ близъ лежащему крестьянскому дому, съ намѣреніемъ занять въ немъ квартиру, такъ какъ крестьяне, на требованіе его объ отводѣ квартиры, рѣзко отказали ему въ томъ; говоря, что онъ и окружный начальникъ могутъ съ удобствомъ размѣститься и отдохнуть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ и находятся, и что другой приличной квартиры для нихъ нѣтъ во всемъ селѣ Батуринскомъ. Кромѣ этого слышались такіе голоса, которые настоятельно требовали, чтобы привязать ихъ на ночь къ огороду или заковать въ желѣза ¹⁾. Однакожь, исправникъ грудью прокладывая себѣ впередъ дорогу и воспользовавшись приглашеніемъ гостепріимнаго хозяина близъ лежащаго дома, подвернувшагося ему подъ руку, удачно отретировался изъ толпы въ ограду и занялъ домъ въ сопровожденіи окружнаго начальника и команды солдатъ, изъ которыхъ двухъ рядовыхъ, поставленныхъ на часы, крестьяне сейчасъ же взяли въ плѣнъ и на другой день прогнали ихъ изъ Батуринскаго села прямо въ ихъ команду, въ городъ Шадринскъ, куда они и явились къ инвалидному начальнику.

Толпа, недовольная маневромъ исправника, окружила квартиру его живою цѣпью, сыпала на него и товарища его брань всякаго рода, попреки и угрозы. За то исправникъ внутри квартиры завелъ вполне осадный порядокъ, размѣстивъ стрѣлковъ во всѣхъ отверстіяхъ, на чердакѣ, въ дверяхъ и окнахъ, а мужикамъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ, что онъ будетъ стрѣлять во всякаго, кто только захочетъ изъ нихъ сдѣлать ему насиліе или вредъ. Толпа отвѣчала ругательствомъ.

Становой приставъ и уѣздный страпачій были счастливы исправника на счетъ квартиры, которую отвели имъ сами крестьяне и представили имъ свободу отдохнуть и успокоиться послѣ трудовъ ихъ праведныхъ. При нихъ находились четыре солдата, сопровождавшіе ихъ въ дорогъ и неусиѣвшіе соединиться здѣсь съ командою.

¹⁾ Изъ донесеній Пермскому губернатору совѣтника правленія Соболева, отъ 19 апрѣля 1843, № 13.

Ночью исправник осматривал патроны команды и нашел из числа таковых годных къ употребленію только на четыре выстрѣла каждому; отпущено патроновъ было немного, не для всехъ солдатъ; да и то, по странному стеченію обстоятельствъ, тѣмъ именно изъ нихъ, у которыхъ калибры ружей не соответствовали величинѣ пули. Изъ тридцати ружей, имѣвшихся въ рукахъ солдатъ, можно было стрѣлять только изъ шестнадцати. Ночь провели чиновники въ страхѣ и трепетѣ, особенно исправникъ и окружной начальникъ, какъ болѣе обратившіе на себя вниманіе поборниковъ мятежа, приставившихъ ко квартирѣ ихъ караулъ для досмотра. По словамъ протокола временнаго отдѣленія земскаго суда, одинъ страхъ умереть отъ пули уничтожилъ сильную дерзость бунтовщиковъ. Но зато возникло въ нихъ адское намѣреніе сжечь квартиру ихъ вмѣстѣ съ ними; и если это не было приведено въ исполненіе, то потому только, что вѣтеръ дулъ прямо на Батуриную слободу и грозилъ истребленіемъ ея. Издвываясь съ улицы надъ чиновниками разными насмѣшками и бранью, крестьяне требовали ихъ выхода изъ квартиры, или выдачи хозяина дома, съ семействомъ. Разумѣется, это не было исполнено, и вотъ потому-то и явилась мысль зажечь домъ и выгнать всехъ ихъ отсюда.

Съ разсвѣтомъ 9 апрѣля были вызваны охотники изъ толпы, которые и начали штурмовать квартиру чиновниковъ въ двери и окна. Защита штыками не могла помочь въ этомъ случаѣ, а потому исправникъ, спасая жизнь свою и товарищей его, велѣлъ произвести нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ изъ оконъ и чердака, гдѣ занималъ постъ Бархнеръ (окружной начальникъ), а самъ онъ охранялъ въ это время низъ дома. При первыхъ выстрѣлахъ натискъ толпы ослабѣлъ; но уничтоженъ вовсе не былъ и вслѣдъ за тѣмъ возобновился съ новымъ ожесточеніемъ и яростью. Наконецъ повторившіеся ружейные выстрѣлы съ чердака и изъ оконъ заставили бунтовщиковъ отказаться отъ своего предпріятія и разбѣжаться по площади за церковь, гдѣ находилась многолюдная толпа крестьянъ изъ разныхъ волостей и селеній, незнавшая на что рѣшиться. Такимъ образомъ, хотя крестьянскій штурмъ былъ отбитъ, но опасность нисколько не устранилась: крестьяне ежечасно могли вновь придумать что-нибудь къ стѣсненію и осадѣ «баръ», какъ они называли ихъ.

— Жаль только солдатшекъ, говорили они: безвинно бѣдные страдаютъ.

— Вѣрно слово говорите вы, братцы, что безвинно, поддакивали другіе: за чужіе грѣхи на муки идутъ.

— Притѣснители наши грабятъ, царя обмануть, міръ обдеруть и продать, а солдатскими спинами оберегаются.

Выстрѣлами, пущенными исправникомъ въ толпу, нѣсколько человекъ было ранено, но сколько именно—сказать мы не знаемъ, потому

что, ничего не нашли о томъ въ официальныхъ данныхъ; а въ народной памяти счетъ таковыхъ затерялся. Убитыхъ же не должно полагать, такъ какъ въ мѣстныхъ лѣтописяхъ о нихъ не говорится ни слова.

Ведѣвъ за штурмомъ, пришли крестьяне къ чиновникамъ съ разными вопросами, требованіями и закончили подъ конецъ ихъ дерзостями и угрозами опять съесть ихъ съ домомъ. Отъ становаго пристава и уѣзднаго стряпчаго потребовали они немедленнаго выѣзда ихъ изъ Батуринской слободы въ Шадринскъ, вмѣстѣ съ исправникомъ и окружнымъ начальникомъ, а сами общались, послѣ того разойтись по домамъ. Чиновники угадывали въ предложеніи этомъ цѣль поймки ихъ по дорогѣ во время ихъ проѣзда на обывательскихъ лошадахъ, что удобно было сдѣлать, потому что мосты и переправы черезъ рѣки и ручьи вездѣ были тогда или сняты или уничтожены, а въ лѣсахъ и вустарникахъ могли залечь засады и выбрать удобную минуту къ захвату слугъ царскихъ. Забрать же въ руки чиновниковъ хотѣлось мужикамъ во чтобы ни стало, въ особенности исправника съ окружнымъ начальникомъ, которые не пользовались симпатіею ихъ, какъ слышіе за людей свирѣпыхъ и безчеловѣчныхъ. Эту репутацію они, дѣйствительно, подтвердили рядомъ своихъ дѣйствій въ Шадринскѣ съ начала усмиренія ими предшествовавшихъ волненій крестьянскихъ въ 1842 году, о чемъ громко трубила молва народная, и говорили всѣ и каждый открыто и гласно. Въ доказательство любви ихъ къ безчеловѣчнымъ поркамъ, приводился въ примѣръ проѣздъ Кирхнера по Шадринскому уѣзду, гдѣ онъ въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ, подобно пресловутому Лоскутову въ Сибири, публично на площадяхъ въ присутствіи многомудныхъ сходоу, похлестывалъ и хлесталъ такъ называемыхъ «порочныхъ» грѣшителей, безъ счета и безъ пощады, до того жестоко, что въ заштатномъ городѣ Далматовѣ одинъ изъ такихъ, вырвавшись какъ-то изъ стѣнъ кутузки, бросился на плотину Назимовской мельницы, а съ нея прямо въ воду (въ омуть), съ твердымъ намѣреніемъ утопиться. Но, къ несчастію, его спасли: безчувственный, онъ былъ вытащенъ на берегъ, приведенъ въ память и на другой день страшно отпосохованъ. Многие отъ такихъ истязаній умерли, какъ говорили крестьяне. А отставный коллежскій секретарь Павловъ, привлеченный къ дѣлу о волненіяхъ, какъ очевидецъ, прямо писалъ въ своихъ объясненіяхъ суду, слѣдующія слова, подслушанныя имъ во время производившейся генеральной порки:

— Эка, наречь, страсть! Того и смекай, что задереть до смерти. Вотъ этотъ злодѣй такъ тиранилъ Тебенева-то парня Ваську (изъ села Широковскаго), что дѣтина сталъ хезнуть (чахнуть), да и умеръ отъ стежи-то (отъ стеганья, дранья розгами):

Около полудня стряпчій прислалъ записку исправнику, въ которой извѣщалъ, что крестьяне желаютъ выдворить ихъ изъ села Батуринскаго, а сами обѣщаютъ разойтись по домамъ. Исправникъ позвалъ въ

чѣмъ дѣло, и потому тотчасъ далъ непрекословное согласіе на выѣздъ, съ тѣмъ, чтобы лошади были приготовлены имъ за селеніемъ, а они всѣ, чиновники и команда, выйдутъ туда пѣшкомъ. Сдѣлка, однакожь, не состоялась, за недовѣрчивостію съ обѣихъ сторонъ. Въ вечеру только отхлынула толпа къ церкви и за церковь и стала ждать выѣзда чиновниковъ. Стряпчій и приставъ со своей стороны, тоже разгадавъ цѣль крестьянъ, съ какою предлагали они имъ немедленный выѣздъ, успѣли какъ-то тонкими путями отдалить толпу, окружавшую квартиру ихъ, въ возможности, а сами перешли въ это время въ квартиру исправника. Отсюда, соединенные уже, они всѣ выѣстѣ съ командою перешли въ церковь и по общему согласію положили ожидать въ ней военной подмоги изъ города Екатеринбургъ, куда о высылкѣ таковой послалъ исправникъ къ начальнику Уральского хребта, еще до выѣзда своего изъ Шадринска, 8 апрѣля. Подмога эта ожидалась, по расчету исправника, ни какъ не дальѣе 12 или 13 числа.

Въ церковь сошлись ранѣе чиновниковъ члены причта съ семействами и нѣкоторые изъ крестьянъ-домохозяевъ, непричастныхъ къ бунту; но провіанта и воды, заготовленныхъ ими 9 апрѣля, оказывалось очень мало для продовольствія всѣхъ людей, а выходъ изъ церкви, между тѣмъ, былъ загражденъ крестьянами.

Въ Шадринскѣ начали уже носиться недобрые слухи о Батуринскихъ смутахъ и неполадкахъ съ чиновниками; но вѣрнаго, однакожь, ничего тамъ еще не знали, кромѣ догадокъ такого сорта, что если бы волненіе было усмирено, то сношенія и сообщенія съ за-Исетскою стороною тоже были бы восстановлены; но этого въ данную минуту не оказывается, то и бунтъ, стало быть, существуетъ. Подлѣсничій Владиміръ Фроловъ, изъ молодыхъ и бойкихъ оберъ-офицеровъ, «съ шикомъ баринъ», какъ говорили Шадринцы, вызвался 9 апрѣля провести въ помощь членамъ временнаго отдѣленія отрядъ Башкирскихъ казаковъ, состоящій изъ 32 человекъ, набранныхъ на скорую руку изъ Ичкинскихъ юртъ. Но все оружіе этихъ воиновъ заключалось въ нагайкѣ, нѣсколькихъ карабинахъ и пикахъ; дисциплины ни какой, бодрости духа также, напротивъ, замѣчалась печаль, страхъ и уныніе—эти спутники трусости. Идти прямою дорогою къ центру волненія черезъ Макаровскую станцію Фроловъ не пожелалъ, потому что переправы тамъ не было: мостъ черезъ р. Варневку былъ уничтоженъ, да и самая рѣчка находилась въ разливіи; а мужики по сторонамъ дороги, какъ заключалъ Фроловъ, сидѣли въ засадѣ, чтобы подстрѣливать импровизованныхъ казаковъ. Поэтому Фроловъ избралъ окольный путь и пошелъ проселками, съ намѣреніемъ достигъ Батуринской слободы вечеромъ того же дня.

Съ тоскою и грустію ѣхалъ туда предводитель отряда. На пути онъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что члены временнаго отдѣленія заперлись въ церкви и охраняются только малочисленною командою солдатъ.